

Открытие памятника. 1967 год

*«Трагические люди!
Кто вы?»*

*Вот - я
весь боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души»*

В. Маяковский

Памятник Маяковскому: люди, судьбы, эпоха...

Свои истории рождения бывают не только у людей, но и у памятников, рукотворной и нерукотворной работы. И судьбы их проходят невероятные перипетии, как правило неожиданные и трудные. Как и у тех, кому они посвящены. Речь пойдет о памятнике В.В. Маяковскому, установленном в нашем городе 1 ноября 1967 года. С тех пор минуло 55 лет. Словом, есть повод вспомнить.

Площадь Маяковского. 1968 год

Мы помним, как монументально-оптимистические строки: «Я знаю — город будет,/я знаю — саду цвести,/ когда такие люди/в стране в советской есть!» — десятилетиями горели напротив железнодорожного вокзала. Место найдено было замечательно точно — открытая на все стороны света и всем дорогам навстречу привокзальная площадь Новокузнецка. И жителям, и приезжим — всем был «привет» и, как говорится, «наше вам почтение».

Напомним, что стихотворение «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и людях Кузнецка» Маяковский опубликовал в 1929 году. Это был год, когда правительством СССР было принято решение о строительстве КМК в будущем городе — Ново-Кузнецке. Стихотворение, очень короткое, но емкое, начиналось с цитаты из разговора поэта со свидетелем самого начала стройки: «К этому месту будет подвезено в пятилетку 1 000 000 вагонов строи-

тельных материалов. Здесь будет гигант металлургии, угольный гигант и город в сотни тысяч людей».

Для начала речь пойдет об этом свидетеле и рассказчике — Иулиане Петровиче Хренове. Поскольку существует довольно общее заблуждение, исключая узкий круг специалистов, что Хренов — не то бригадир, не то простой рабочий с Кузнецкстроя. Что встреча кузнецкстроевца Иулиана Хренова и популярного поэта Владимира Маяковского якобы была случайной. Что этому человеку с ядерной народной фамилией — «Хренов» — поэт поверил, поскольку вообще верил в прогресс индустриализации и во многое обещаемое советской властью. Но если не социализм-коммунизм, то город Новокузнецк в итоге был построен!

История этой незаурядной личности с годами была относительно хорошо изучена. И нам остается лишь ее пересказать с некоторыми комментариями.

- И.П. Хренов. Ленинград. 1925 год
- И.П. Хренов. 1936 год
- И.П.Хренов с дочерью Еленой. Москва. 1930 год
- Разлив стали на Краматорском металлургическом заводе им. В. В. Куйбышева. 1968 г.

История предприятия началась в августе 1898 года. Именно тогда на базе Краматорского металлургического общества, учреждённого немецкой машиностроительной компанией В. Фицнера и К. Гампера, были сданы в эксплуатацию две первые доменные печи по выплавке чугуна. В 1905 г. мощности предприятия дополнены мартеновским цехом. В 1910 г. введен в эксплуатацию прокатный цех. В 1920 г. проведена послевоенная реконструкция завода, после национализации предприятия переименовано в Краматорский государственный машиностроительный и металлургический завод (КГММЗ). В 1933 г. по распоряжению правительства завод разделен на два предприятия: Старокраматорский машиностроительный завод и Краматорский металлургический завод. В 1994 году в результате рыночных трансформаций завод был преобразован в ОАО «Краматорский металлургический завод имени В. В. Куйбышева».

Иулиан Петрович Хренов (1901-1948) был одним из кирпичиков в индустриализации страны Советов. Мог остаться безвестным, как миллионы строителей новой жизни, о которых, с его слов, поэт кратко и емко рассказал:

... и дождик толст, как жгут,
сидят в грязи рабочие,
сидят, лучину жгут.
Сливеют губы с холода,
но губы шепчут в лад:
"Через четыре года
здесь будет город-сад!"

Он был личностью незаурядной. Родился И.П. Хренов в 1901 г. в старинном

фабричном селе Лежнево в семье фельдшера. В канун революции учился в реальном училище г. Коврова, был известен среди реалистов «как человек дела, умеющий постоять за себя и за свои убеждения». Романтически настроенный молодой человек посещал тайные сходки «Клуба якобинцев». Увлечшись идеями большевизма, в 1917 г. стал руководителем Союза молодежи в Коврове. Вступив в партию большевиков, уже через год был избран на родине, в Лежневе, секретарем районной парторганизации, в марте 1921 г. участвовал в разгроме мятежа кронштадтцев, оставших против советской власти. Тогда же назначен политработником Красной армии.

Служил на флоте, учился в Военно-морской академии. В Ленинграде в 1926 г. познакомился с Маяковским, и, по словам дочери Хренова, они подружились. В 1929 г. он, как член ЦК профсоюза рабочих-металлистов, побывал на строительстве КМК. Здесь, на Кузнецкстрое, мимоходом организовал первую ячейку Оборонного общества, положившую в том же году начало Новокузнецкой городской организации ОСОАВИАХИМ. Осоавиахимовцы, в свою очередь, открыли кружки стрелков, связистов, шоферов, строили лодки, проводили гребные соревнования и массовые заплывы на Томи. В итоге родились люди новой формации, патриоты страны.

Приехав в Москву, Хренов рассказал Маяковскому о строительстве небывалой по мощности домны, о закладке нового города, как потом стали квалифицировать, «города социалистического типа». Присутствовавший при этой встрече литературовед В.А. Катанян записал эту беседу так: «Помню этот житейский рассказ... о трудностях, мокрым хлебе, простейшей крыше над головой, о миллионе вагонов стройматериалов, которые будут превращены в город... И помню потом безграничное удивление, когда вдруг увидел в журнале, как горячо сплывались эти детали с чувством и воображением поэта, какую новую бессмертную жизнь обрели они в лирическом стихотворении».

Вскоре **Иулиан Хренов написал брошюру «От Кузнецкостроя к Кузнецкому металлургическому гиганту»**, которая была издана в Москве в 1931 г. Некоторое время он работал в должности помощника Генерального прокурора СССР, на посту заместителя директора металлургического завода в Краматорске. В 1937 г. был репрессирован как троцкист, «книжица» его была изъята из обращения, а фамилия из названия стихотворения. Но Маяковский, благодаря которому имя Хренова стало широко известно, — «памятник воздвиг [ему] нерукотворный».

Однако Хренову суждено было встретиться еще и с писателем — Варламом Шаламовым, опубликовавшим воспоминания под заглавием «Несколько слов о Хренове» в журнале «Литература и жизнь» в 1962 году. Но теперь обстоятельства встречи с будущим писателем были трагическими. Приведем небольшой отрывок.

«Человек из песни» — Иулиан Петрович Хренов, которого звали уменьшительно то Ульян, то Ян, бывший директор Краматорского металлургического завода... С девятого августа 1937 года Хренов, в числе тысяч других «троцкистов», плыл в верхнем трюме парохода «Кулу» из Владивостока в бухту Нагаево (пятый рейс). Здесь-то, в трюме тюремного парохода, и обнаружилась «причастность» Хренова к литературе... Среди этих тысяч людей лишь один человек был с книгой — Ян Хренов. Книга, которую он взял в трюм, берег и перечитывал — однотомник Маяковского, с красной корочкой. Желаящим Хренов отыскивал в книге страницу и показывал стихотворение «Рассказ Хренова о людях Кузнецка». Но впечатления стихи не производили там, в парходном трюме, никого, и перечитывать Маяковского в такой обстановке никто не собирался. Не перечитывал стихи и сам Хренов. Грань, отделяющая стихи, искусство от жизни, уже была перейдена — в следственных камерах она еще сохранялась...

Не думаю, что Хренов возил книжку в качестве визитной карточки. Рядом с ним

на нарах лежали люди, на которых такая визитная карточка не произвела бы ни малейшего впечатления. Притом любителей Маяковского в те годы было немного. Свистопляска вокруг имени поэта только началась. Просто Хренову было приятно как можно долее сохранить, держать в руках перед глазами это особенное свидетельство былого... В том мире, куда плыл Хренов, было благоразумнее забыть о стихах, притвориться, что ты никогда стихов не слышал, чтобы не вызвать на себя огонь начальства, блатарей и даже собственных товарищей...

В стороне от Ягодного лежал прииск «Партизан». Туда-то мы и прибыли из Магадана в одной машине с Хреновым. Хренов был встревожен, молчалив, томик Маяковского был упрятан в чемодан. Больше я этот томик в руках Хренова не видел...

Даже во время войны И.П. Хренов не был «прощен», получив после ее окончания «пожизненную ссылку» там же, где работал — на одном из приисков Севера. Умер И.П. Хренов по дороге из Магадана домой после освобождения в 1948 г. от сердечного приступа. Так трагически закончилась жизнь патриота индустриализации, искреннего большевика Хренова, которого однажды судьба привела в будущий город Новокузнецк. Но и посмертно Иулиану Хренову не повезло. В 2007 году был снят многосерийный фильм «Завещание Ленина» (режиссёр Н. Досталь, автор сценария Ю. Арабов), в котором он по произволу авторов был выведен в отрицательных характеристиках, что вызвало возмущение одного из политзаключенных М.Е. Выгона, делившего с Иулианом пытки в Бутырке и ссылку в Магадан по статье «контрреволюционная троцкистская деятельность». По воспоминаниям бывшего политзаключенного Выгона, именно Хренов учил его, тогда еще молодого человека, выдержке и стойкости, которые помогли ему выжить.

А брендовый символ нашего города: «Я знаю — город будет...» убрали с привокзальной площади. Когда точно — не знаю. Но запомнила, что больно кольнуло, когда однажды его не увидела. Это был знак приговора старой эпохе идеологических заблуждений, полной трагических, тяжелых испытаний. В ней прошла не только жизнь наших дедов и отцов, но и наше счастливое детство.

Думается, что сейчас памятнику Маяковского подошли бы другие слова:

«Грядущие люди!
Кто вы?/Вот — я,
весь боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души».

Великой, думается, надо понимать, как большой и восторженной. Жаль, что скульптор, изваявший памятник Маяковскому, влюбленный в образ поэта, не высек

По небу
тучи бегают,
дождями
сумрак сжат,
под старую
телегею
рабочие лежат.
И слышит
шёпот гордый
вода
и под
и над:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Темно свинцовоночие,
и дождик
толст, как жгут,
сидят
в грязи
рабочие,
сидят,
лучину жгут.
Сливеют
губы
с колода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Свела
проmozглость
корчею -
неважный
мокр
уют,
сидят
впотьмах
рабочие,
подмокший
хлеб
жуют.
Но шёпот
громче голода -
он кроет
капель спад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Здесь
взрывы закудахтают
в разгон
медвежьих банд,
и взроет
недра
шахтою
стоугольный
«Гигант».

Здесь
встанут
стройки
стенами.
Гудками,
пар,
сипи.
Мы
в сотню солнц
мартенами
воспламеним
Сибирь.
Здесь дом
дадут
хороший нам
и ситный
без пайка,
аж за Байкал
отброшенная
попятится тайга».
Рос
шепоток
рабочего
над темью
тучных стад,
а дальше
неразборчиво,
лишь слышно -
«город-сад».
Я знаю -
город
будет,
я знаю,
саду -
цветь,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!

1929

ни слова на нашем памятнике Владимиру Владимировичу Маяковскому. Жаль и то, что нет на постаменте указания на авторский коллектив его создателей: «Скульптор Борис Алексеевич Пленкин; архитекторы: Владимир Павлович Литвяков, Алексей Степанович Рахуба, Лев Леонидович Ухоботов». А ведь это были те, кто так же свято верил в прогресс индустриализации. Это были романтики второго призыва на стройку коммунизма, начавшуюся с возведения Запсиба — очередного металлургического гиганта Кузбасса, второго градообразующего предприятия Новокузнецка.

Итак, вот еще одна история о том, как однажды в конце лета 1957 года в Новокузнецк прибыла группа выпускников Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина Академии художеств. Их было тринадцать: живописцы, архитекторы, декоратор и первый в нашем городе искусствовед — Г.П. Овчарова, заложившая основы профессиональной деятельности музея искусств. В их числе находился и будущий градостроитель Новокузнецка — А.И. Выпов.

Для единственного в этой группе скульптора Б.А. Пленкина при пребывании в Новокузнецке оказалось творческой командировкой, поскольку квартиру ему, как человеку одинокому, не предоставили. А мастерская на шестом этаже без лифта скульптора, работающего с тяжелыми материалами, не могла устроить. Он выполнил ряд скульптур с рабочих КМК, успешно экспонировавшихся на российских и зарубежных выставках (собрание Новокузнецкого художественного музея). Но самым значительным, монументальным созданием этого скульптора, символическим для города, является памятник В.В. Маяковскому, который по собственной инициативе он доработал с товарищами — архитекторами В. Литвяковым, Л. Ухоботовым, А. Рахубой по эскизам институтских лет.

Площадь, названная по решению горсовета именем поэта 19 февраля 1957 года, представляла один из интереснейших в градостроительном отношении узлов города. Проект сначала принял художественный совет Министерства культуры РСФСР, а 7 июня 1958 года он был одобрен горисполкомом. В чугуне памятник (высотой 5,5 м) был отлит на ленинградском заводе «Монументскульптура», оставалось лишь его установить. Но сменившееся городское руководство о нем забыло. По одним источникам, он хранился в Зеленстрое, по другим — на складах КМК, не важно. В СМИ встречаются разночтения, в том числе по поводу материалов, из которых он выполнен. Подчеркнем, не бронза и мрамор, а тонированный чугун и облицовочный гранит на железобетонном постаменте.

Вспомнили о нем лишь к пятидесятилетию советской власти, не без подсказки

новокузнецкого скульптора А.И. Брагина, друга Бориса Пленкина. Так, лишь через 9 лет, 1 ноября 1967 года, памятник наконец-то был установлен.

«Точку стояния» подбирали ему со всей ответственностью. Для этого, по воспоминаниям архитектора В.А. Авдеева, выпилили из фанеры макет в рост и возили его по площади в поисках такого ракурса, чтобы памятник не попал в средокрестие трамвайных проводов. Чтобы силуэт поэта смотрелся выразительно, а абрис головы читался на фоне чистого неба. Четырехгранный постамент был нарядно декорирован плитами красного гранита.

На открытии было множество народа. Потерявший надежду скульптор не приехал. Либо он не забыл обиду, о которой с горечью писал многие годы спустя нам, сотрудникам музея, и скульптору Брагину, либо был занят. К тому времени Б.А. Пленкин стал профессором кафедры ЛИНЖСА, который когда-то окончил.

Среди выступавших на митинге был заведующий кафедрой литературы педагогического института профессор А.Ф. Абрамович, лично знавший поэтов и писателей той эпохи. Выступления Маяковского он слушал в конце двадцатых годов, о чем рассказывал нам, студентам, буквально боготворившим педагога за его энциклопедизм, мастерство рассказчика и доброе ко всем расположение. Вот так в Новокузнецке «встретились» Владимир Маяковский и делегат первого съезда Союза писателей Алексей Абрамович.

Стихотворения и памятники монументального искусства создаются на века — если повезет, если попадут в нужную точку. И в этом состоит огромное счастье поэтов и скульпторов, которым удается создать хотя бы один монумент. Да и для архитектора правильно рассчитать объем и масштаб постаменты — задача творческая и потому увлекательная.

Поэт изображен в движении. Декламируя стихи, он словно делает шаг по площади. Жест отведенной в сторону левой руки с раскрытой ладонью как будто призывает оглядеться и убедиться в том, что город-сад действительно построен. Об этом свидетельствует архитектурно-пространственный контекст: перспективы улиц, облик близлежащих зданий, выполненных в стилистике сталинской неоклассики.

Кадры кинохроники зафиксировали манеру Маяковского читать стихи, сжимая кепку или рукопись правой рукой, либо зацепившись большим пальцем руки за карман брюк, как в нашем памятнике. Но в отличие от известного московского монумента, трактованного А.П. Кибальниковым поэтом-трибуном с жестким абрисом лица, который рубит строками, наш Маяковский решен без излишнего пафоса, но, тем не менее, как образ поэта-гражданина. Творчеству Б.А. Пленкина был свойствен

романтизм мироощущения – такое это было замечательное время. Он и образы рабочих «приподнимал». Скульптор передал портретное сходство, естественную необходимость движения, но в более мягкой пластике, просчитав силуэтную выразительность и меру необходимой динамики. (Б.А. Пленкин создал два памятника Маяковскому. Новокузнецкий выполнен в рост, санкт-петербургский (1976, архитектор В.П. Литвяков) представляет собой оплечный портрет).

В 1978 г. памятник поэту городские власти впервые побеспокоили, решив передвинуть ближе к улице Орджоникидзе по градостроительным, техническим причинам. Сменили постамент, к которому добавили подиум, чтобы приподнять фигуру, что вполне было оправдано усложнившейся транспортной ситуацией. Но приключения памятника Владимиру Владимировичу на этом не закончились. Позже постамент ободрали: ходили слухи, не хватило именно этого цвета плит для некой небольшой, но особо охраняемой гостиницы по улице Кирова. Постамент реставрировали не без тревожных выступлений журналистов спустя несколько лет.

Личная судьба народного художника России, академика Российской академии художеств, лауреата Государственной премии РСФСР имени И.Е. Репина сложилась вполне благополучно. Б.А. Пленкин с 1957 г. начал принимать участие во всех художественных городских, всесоюзных и республиканских выставках России. Его скульптура была представлена за рубежом: во Франции, Италии, Германии, Дании, Финляндии, Венгрии, Китае, Монголии. А произведения Пленкина хранятся в Третьяковской галерее, Русском музее и во многих республиканских и областных музеях страны. Им создано 24 монумента.

Несколько слов об архитекторах, участвовавших в разработке постамента. А.С. Рахуба переехал в Киев, где впоследствии получил ученую степень Украинской академии архитектуры; В.П. Литвяков – в Павловск, преподавал в ЛГПИ им. Герцена (умер в конце 1970-х годов). Л.Л. Ухоботов, получив приглашение в Алма-Ату, был назначен главным архитектором проекта Дворца культуры им. В.И. Ленина (Дворец съездов), удостоенного Госпремии 1970 года. За проект гостиницы «Казахстан» (1977) получил звание заслуженного архитектора Казахстана. Переехав в Москву, работал в Институте гражданского строительства.

Так что есть у новокузнецчан повод хранить и гордиться памятником В.В. Маяковскому – свидетельством нашей трагической истории, образцом высокой поэзии и изобразительного искусства.

Т. М. Высоцкая, искусствовед, член СХ России, заслуженный работник культуры РФ

*Я знаю –
город
будет,
я знаю,
саду –
цвести,
когда
такие люди
в стране
в советской
есть!*

